

ТРАДИЦИИ «НЕМЕЦКОГО ИСТОРИЗМА» В БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ФРГ

А. И. Патрушев

Характерной особенностью германской буржуазной историографии на протяжении XIX — первой половины XX в. были ее своеобразные, отличающиеся от других западноевропейских стран теоретико-методологические основы, объединенные понятием «немецкий историзм». До недавнего времени эта концепция, резко отрицающая идею закономерности исторического процесса, считалась в немецкой буржуазной методологии исторической науки единственно приемлемой. Она представлялась буржуазным ученым самым действенным оружием в борьбе с марксистско-ленинской идеологией. Только на рубеже 50—60-х годов, когда консервативное направление во главе с ревностным защитником принципов «немецкого историзма» фрейбургским историком Г. Риттером отошло на второй план, а доминирующее положение заняло более гибкое, неолиберальное, стремящееся, как заявляют его приверженцы, преодолеть «противоречие немецкого и западноевропейского образа мышления» и добиться «теоретического и практического взаимопонимания с Западом»¹, отбросив одновременно особенно устаревшие исторические концепции, была предпринята попытка модернизировать «немецкий историзм» с помощью «структурной», или «социальной истории». Последняя понимается историками ФРГ как синтез исторической науки и социологии и преподносится как «новое воззрение на общество»². Это обращение к «структурной истории» изображается западногерманскими учеными как их «примирение с Западом». В свою очередь, буржуазные историки Англии, Франции и США расценивают методологическое «переворужение» ученых ФРГ как подтверждение «превосходства западной историографии» не только над «немецким идеализмом» (имеется в виду «немецкий историзм»), но и над историческим материализмом. Такое стремление «возвыситься» над противоположностью материализма и идеализма, преодолеть их «односторонность» и достичь полной «научности», характерное для неопозитивизма, все более утверждающегося в историографии ФРГ, разумеется, несостоятельно. Однако в этой связи встает вопрос: в какой мере и действительно ли западногерманские ученые отказались от традиционного «немецкого историзма», можно ли считать, что он ушел в прошлое?

Анализу «немецкого историзма» посвящен ряд трудов, опубликованных в СССР и ГДР³. В советской историографии общетеоретические

¹ F. Meinecke. Werke. Bd. 1. München. 1957, S. 501.

² «Unbewältigte Vergangenheit». Handbuch zur Auseinandersetzung mit der westdeutschen bürgerlichen Geschichtsschreibung. В. 1971, S. 77.

³ Ученые ГДР в отличие от советских употребляют понятие «историзм» в марксистской интерпретации более осторожно и в любом случае указывают, о каком историзме идет речь, поскольку имеют дело с непосредственным влиянием юнкерско-буржуазного «немецкого историзма». См. «Probleme der Geschichtsmethodologie». В. 1972, S. 29.

основы западногерманской буржуазной историографии получили критическое освещение в работах А. И. Данилова, И. С. Кона, В. И. Салова⁴. Место и значение идейного наследия апостола «немецкого историзма» Л. Ранке в современной историографии ФРГ показаны Н. И. Смоленским, а «историзм» Ф. Мейнеке (одного из наиболее рьяных защитников этой концепции) исследован В. П. Толокновым⁵. Большое внимание критике методологических основ современной западногерманской буржуазной историографии уделяют ученые ГДР — В. Бертольд, Г. Лозек, Г. Майер, Г. Шлейер, В. Шмидт⁶. Однако проблема наследия, оставленного «немецким историзмом», его место и роль в современной историографии ФРГ заслуживают более подробного разбора, поскольку речь идет не просто о варианте буржуазного «историзма», а о более широкой проблеме соотношения истории и теории в буржуазной историографии. Автор настоящей статьи ограничивается рассмотрением вопроса о краеугольном камне концепции «немецкого историзма», а именно — принципе «индивидуализации», по которому все исторические явления представляют собой исключительно уникальные, неповторимые и не связанные между собой образования и в котором Ф. Мейнеке видел ядро и основную суть этой концепции⁷. Реакционный «немецкий историзм» принципиально и коренным образом отличается от марксистско-ленинского принципа историзма, представляющего собой конкретизацию диалектического подхода к изучаемому предмету и предполагающего, что каждое событие исторически определено и обусловлено, что любой объект познания рассматривается не просто в движении и изменении, а в процессе его исторического развития. В общественной науке, указывал В. И. Ленин, «самое важное... не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»⁸. В этом ленинском положении выражена сущность марксистского принципа историзма.

Принцип историзма как требование рассматривать развитие каждого явления с исследованием всех этапов этого развития, начиная с его воз-

⁴ А. И. Данилов. Теоретико-методологические проблемы исторической науки в буржуазной историографии ФРГ «Средние века». Вып. 5. 1959; его же. Фридрих Мейнеке и немецкий буржуазный историзм. «Новая и новейшая история», 1962, № 2; И. С. Кон. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М. 1959; В. И. Салов. Современная западногерманская буржуазная историография. М. 1968.

⁵ Н. И. Смоленский. Л. Ранке и Ф. Мейнеке. «Труды Томского университета. Т. 193, 1967; его же. Оценка современной западногерманской историографией ранкеанского решения проблемы объективности и партийности исторического познания. «Труды Томского университета. Т. 209, 1969; его же. «Ренессанс» взглядов Ранке в современной западногерманской историографии. «Труды Томского университета. Т. 207. 1970; его же. Л. Ранке и проблемы всемирной истории в буржуазной историографии ФРГ. «Труды Томского университета. Т. 21. 1972; В. П. Толоков. «Историзм» Ф. Мейнеке и его место в формировании философских основ немецкой буржуазной историографии. «Ученые записки» Ярославского пединститута. Вып. 85. 1971; его же. «Историзм» Ф. Мейнеке как разновидность идеалистической методологии истории. «Вопросы истории», 1972, № 5.

⁶ Кроме большого количества статей в периодических изданиях, этой проблеме посвящено несколько интересных обобщающих работ. См. В. Бертольд. «...Голодать и повиноваться». Историография на службе германского империализма. М. 1964; G. Lozek, H. Sygbe. Geschichtsschreibung contra Geschichte. В. 1964; «Unbewältigte Vergangenheit»; «Probleme der Geschichtsmethodologie».

⁷ Ф. Мейнеке. Werke. Bd. 3. München. 1959, S. 2. Принцип «индивидуализации» разрабатывался в Германии очень давно в связи с выявлением специфики общественного познания. Уже у Лейбница содержится идея своеобразной, стихийно действующей по собственным, присущим только ей законам и саморазвивающейся индивидуальности. Эта идея послужила основой его «монадологии». Сыграли свою роль мысли немецкого историка XVIII в. Ю. Мёзера о государстве как развивающейся исторической индивидуальности, тезис И. Гердера об изменчивости и развитии индивидуальности и т. д.

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 67.

никновения, зародился еще до появления марксизма⁹. Гегель в своей философии истории подходил к анализу общественного развития, руководствуясь идеалистически истолкованным принципом историзма. Стремясь раскрыть в истории внутреннюю закономерную связь, он утверждал, что все явления и события определены уровнем развития, степенью самовыявления абсолютного духа. Почти одновременно с Гегелем к принципу историзма обратились немецкие ученые-романтики, которые, несмотря на реакционность своей феодальной идеологии, сделали ряд существенных наблюдений в духе историзма. Так, в отличие от просветителей они рассматривали средние века как закономерный этап исторического развития, как такое состояние общества, которое сложилось в силу объективной внутренней необходимости. Другими словами, их историзм включал в себя идею эволюции, что явилось одной из наиболее плодотворных идей романтизма. Однако у романтиков историзм был односторонне обращен в прошлое. Они не смогли распространить его на настоящее, что сказалось, в частности, на их отношении к Французской революции конца XVIII в., которую они считали случайным явлением, более того, дьявольским наваждением.

Представители «исторической школы права», возникшей в тесной связи со становлением романтизма, также признавали преемственность между сменяющимися друг друга состояниями общества, в силу чего настоящее для них было связано с прошлым. Этот момент имел определенное положительное значение, хотя само понимание историзма покоилось у них на идеалистической основе: они выдвинули, например, идею нации как неповторимой коллективной индивидуальности, а главной творческой силой в истории объявили идею народного духа, рассматривая его как некий иррациональный субстрат различных явлений общественной жизни. Такой типично эволюционистский подход к проблеме развития как постепенного и мирного процесса, стремление оправдать отрицательные явления их историческим происхождением вытекали из общей политической реакционности «исторической школы права», ее феодально-классовых корней, что дало К. Марксу основание назвать ее школой, оправдывающей подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего¹⁰.

Таким образом, у романтиков и представителей «исторической школы права» обнаруживается определенное противоречие между методологией и практической направленностью исторических исследований. Будучи выразителями исторически отживших феодально-аристократических взглядов, они тем не менее обогатили методологию исторической науки, сделав определенный шаг вперед по сравнению с просветителями, которые подходили к истории с позиции абстрактного морализма, причем категории «добра» и «зла» употреблялись ими вне времени и пространства¹¹.

Дальнейшее развитие «немецкого историзма» связано с именем крупного историка Л. фон Ранке, пытавшегося обосновывать абсолютную индивидуальность и неповторимость отдельных исторических явлений. Основанием для этого служило убеждение Ранке, что поскольку каждая эпоха непосредственно происходит от бога, то она, следовательно, имеет свою собственную ценность. Именно поэтому на долю историка выпадала участь писать историю «wie es eigentlich gewesen ist» («как это собственно было»), то есть только повествовать об единичных и на первый взгляд не связанных между собой исторических фактах. Ранкеанская фактография получила широкое распространение и за пределами

⁹ Подробнее о развитии принципа историзма см.: «Историография нового времени стран Европы и Америки». М. 1967, стр. 103, 145—148, а также «Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft». Bd. I. В. 1969, S. 56—80, 121—135.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 416—417.

¹¹ Подробнее см. В. Ф. Асмус. Маркс и буржуазный историзм. Избранные философские труды. Т. 2. М. 1971.

Германии, среди буржуазных ученых других стран. «Три поколения германских, британских и даже французских историков шли в бой, выкрикивая магические слова «как это собственно было» как заклинание, предназначенное, подобно большинству заклинаний, избавить их от неприятной обязанности мыслить самому», — едко, хотя и несколько преувеличенно говорил о торжестве принципов Ранке известный английский историк Э. Карр¹².

Философскую опору под «немецкий историзм» пытались на рубеже XIX—XX вв. подвести лидеры одной из идеалистических философских школ Германии — баденской школы неокантианства — В. Виндельбанд и Г. Риккерт, которые коренным образом разграничивали естественные и общественные науки, признавая за последними возможность только индивидуализирующего метода исследования, описания событий в их неповторимом своеобразии и одновременно отрицая какую-либо закономерность исторического развития¹³. Еще ранее представитель «философии жизни», этой предтечи современного экзистенциализма, В. Дильтей внес свою лепту в построение здания «немецкого историзма», провозгласив идею «понять жизнь из нее самой» и отдав решительное предпочтение интуиции, иррациональному «пониманию» перед интеллектом. Это нашло отражение в его теории «понимания» и обосновании им исторической науки как «психологии духа»¹⁴.

Немецкая буржуазная историография, идя под знаменем «историзма», видела свою единственную задачу в установлении и индивидуализирующем описании все новых и новых фактов, исторических событий; под предлогом «истинной» научности и объективности она отвергла необходимость теоретического обобщения, анализ фактов как отдельных взаимосвязанных и взаимообусловленных звеньев единого процесса. Эмпиризм Ранке, подкрепленный индивидуализирующим методом неокантианцев и теорией «понимания» Дильтея, превратился в методологическое кредо буржуазных историков Германии.

Однако даже в период расцвета «немецкого историзма» некоторые крупные буржуазные ученые сознавали его ограниченность и неспособность адекватно отобразить все более усложняющийся исторический процесс. Наглядно это проявилось в ходе знаменитой методологической дискуссии конца прошлого века вокруг К. Лампрехта с его попыткой ввести в историческую науку понятие закономерного эволюционного развития и обратиться к изучению социальных и хозяйственных явлений¹⁵. Практически он оказался изолированным среди немецких буржуазных историков, которым удалось выиграть сражение с ним еще и потому, что они воспользовались уязвимостью методологии Лампрехта, все более склонявшегося к психологизации, а затем и биологизации исторического процесса¹⁶.

Значительную роль в дискуссии против Лампрехта сыграл еще молодой тогда Ф. Мейнеке, создавший уже после первой мировой войны самый грандиозный апофеоз «историзма»¹⁷. В своей книге «Возникновение историзма» Мейнеке утверждал, что «историзм» явился итогом двухсотлетнего развития историко-философской мысли всех стран Запад-

¹² E. H. Carr. What is History? L. 1964, p. 9.

¹³ См. В. Виндельбанд. Прелюдии. СПб. 1904; Г. Риккерт. Науки о природе и науки о культуре. СПб. 1911.

¹⁴ W. Dilthey. Einleitung in die Geisteswissenschaften. Leipzig-B. 1922.

¹⁵ См. А. И. Данилов. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX вв. М. 1958.

¹⁶ Подробнее о взглядах Лампрехта см. Б. Г. Могиляницкий. Об одном опыте психологической интерпретации истории средневековой Германии. «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Вып. 6. Томск. 1969.

¹⁷ См. F. Meinecke. Die Entstehung des Historismus. München. 1936.

ной Европы, но главным стержнем его является «применение новых жизненных принципов истории, разработанных великим немецким движением от Лейбница... до Гёте»¹⁸. Таким образом, несмотря на то, что Мейнеке включал в число основателей и пионеров «историзма» английского историка Д. Шефсбюри, великого французского философа Ф. Вольтера, итальянских ученых Д.-Б. Вико и Н. Макиавелли, главную роль он все же отводил немецким мыслителям Ю. Мёзеру, И.-Г. Гердеру, П.-В. Гёте и, наконец, Ранке, с которого, как он писал, начинается «фаза зрелого историзма»¹⁹. Интересно, что, с одной стороны, Мейнеке видит в методологии Ранке «высший этап историзма», а с другой — довольно осторожно указывает, что «историзм» должен включить в себя и новые идеи, выходящие за пределы принципов Ранке.

В условиях сокрушительных поражений германского империализма в первой половине XIX в. ранкеанский исторический оптимизм сменяется у Мейнеке явным уклоном в сторону иррационализма, поисками проявлений «демонии власти», «дуализма добра и зла» и т. п. Следовательно, Ранке был для него не столько олицетворением «зрелого историзма», сколько одним из источников собственного учения. В своей генеалогии «историзма» Мейнеке весьма произвольно препарировал взгляды самых различных мыслителей Западной Европы для того, чтобы поставить их в один, искусственно созданный им ряд «основателей историзма».

Мейнеке считал, что «историзм» — это не только методология исторической науки, но и «новый взгляд на человеческую жизнь вообще», означающий «нечто большее, чем метод истории как науки»²⁰. В этом отношении он был единодушен с Э. Трельчем, также разрабатывавшим в 20-е годы концепцию «историзма». Последний в своей работе «Историзм и его проблемы» подчеркивал, что все методологические трудности, вставшие в начале XX в. перед исторической наукой, можно и должно решить на основе и в рамках «историзма». Конечно, принцип историзма является одним из главных как в любой общественной науке, так и в истории особенно. Мировоззренческий характер этого принципа не вызывает сомнений. Однако Мейнеке и Трельч имели в виду его идеалистическое толкование, благодаря чему он утратил свое истинное научное содержание²¹.

Если Мейнеке и Трельч пытались защитить и даже укрепить принципы «немецкого историзма», то другие германские буржуазные ученые относились к нему все более критически. Против ограничения исторического исследования только методом «индивидуализации» в середине 20-х годов выступил О. Хинтце, обосновывавший принцип «типологизации». Современный западногерманский буржуазный историк Т. Шидер пытался объяснить позицию Хинтце влиянием исторической социологии М. Вебера и его учения об «идеальных типах»²². В отличие от Мейнеке, утверждавшего несравнимость индивидуальностей друг с другом, Хинтце логически доказывал возможность такого сравнения, предназначенного для того, чтобы найти то общее, что имеется в сравниваемых объектах, и тем самым яснее представить их действительную индивидуальность и особенности²³. Вместе с тем Хинтце утверждал, что обнаружение общего относится к области социологии, историк же должен стремиться выявить в сравниваемых объектах их индивидуальность. Тем са-

¹⁸ F. Meinecke. Werke. Bd. 3. München. 1959, S. 2.

¹⁹ F. Meinecke. Werke. Bd. 4. Stuttgart. 1959, S. 230.

²⁰ F. Meinecke. Vom geschichtlichen Sinn und vom Sinn der Geschichte. Leipzig. 1939, S. 95.

²¹ I. Geiss. Kritischer Rückblick auf Friedrich Meinecke. «Studien über Geschichte und Geschichtswissenschaft». Frankfurt/M. 1972.

²² Th. Schieder. Strukturen und Persönlichkeiten in der Geschichte. «Historische Zeitschrift» (далее — «HZ»), 1962, Bd. 195, S. 274.

²³ O. Hintze. Troeltsch und Probleme des Historismus. «HZ», 1927, Bd. 135.

мым практически Хинтце вовсе не отвергает принцип «индивидуализации».

Самый «принцип историзма» Хинтце оценивал очень высоко и называл его «своеобразной категориальной структурой духа в представлении исторических явлений, которая формировалась... у народов Западной Европы в XVIII в., а выступила на первый план в XIX в., особенно в Германии, но не только в ней одной». Хинтце даже полагал, что возможно включить марксизм и позитивизм в эту философию истории²⁴.

Признав ограниченность «немецкого историзма», Хинтце, однако, в целом остался на его мировоззренческой основе. Но его стремление в какой-то степени включить в «историзм» типологизацию явлений, дополнить историческую науку социологией находит сегодня определенное признание среди западногерманских буржуазных историков. Некоторые из них даже считают, что «идеи Хинтце еще более современны и плодотворны»²⁵, чем идеи Мейнеке. Взглядам Хинтце вполне соответствует формулировка, помещенная в западногерманской исторической энциклопедии: «Индивидуализирующий метод наблюдения историзма интересуется в основе не индивидуальным как таковым, а скрытым в нем типичным»²⁶. Впрочем, сам Мейнеке также не отвергал категорически правомерность типологизирования, замечая только, что «его сердце более склонно к индивидуальному, чем к типическому»²⁷.

В целом можно согласиться с американским буржуазным историком Г. Иггерсом, когда он пишет, что «первая мировая война и поражение удивительно мало повлияли на немецких историков»²⁸. Такие крупные историки, как Г. фон Белов, Э. Бранденбург, М. Ленц, Э. Маркс, и другие остались верны прежним философско-историческим традициям и твердо стояли на почве «немецкого историзма». Если Мейнеке или Ф. Шнабель в политическом отношении сделали свои выводы из поражения Германии, призвав к союзу с Западом, то в отношении методологии исторического исследования они остались ярыми адептами «немецкого историзма»²⁹. Это дало основание профессору Западнберлинского университета Г. Герцфельду выразить сожаление о том, что для немецкой историографии поражение в первой мировой войне не привело уже тогда «к ревизии... исторической картины» ни в политическом, ни в методологическом плане³⁰.

Гораздо более глубокое воздействие на буржуазных историков Германии оказал 1945 г., когда большинство из них заговорило о «разрыве немецкой истории», «потере традиций» и «отчуждении от собственного прошлого»³¹. Нарастает недовольство ограниченными возможностями «немецкого историзма». Все явственнее становится его кризис, который нельзя было преодолеть ни простой апологетикой его устаревших концепций, чем и занималось доминирующее в западногерманской историографии в 50-е годы консервативное направление, ни формальным признанием необходимости теоретических обобщений. Дать ответ на вопросы относительно причин, объема и глубины явлений, происходящих в современную эпоху, их значения для капиталистического общества в настоящем и будущем «немецкий историзм» с его культом индивидуального и неповторимого оказался не в состоянии, и ограниченные воз-

²⁴ O. Hintze. Op. cit., S. 207.

²⁵ E. Schulin. Das Problem der Individualität. «HZ», 1963, Bd. 197, S. 109.

²⁶ «Geschichte». Hrsg. von W. Besson. «Fischer-Lexikon». Bd. 24. Frankfurt/M. 1968, S. 38.

²⁷ F. Meinecke. Werke. Bd. 4, S. 380.

²⁸ G. Iggers. Deutsche Geschichtswissenschaft. München. 1971, S. 295.

²⁹ F. Schnabel. Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert. Freiburg. 1929.

³⁰ H. Herzfeld. Ausgewählte Aufsätze. Berlin (West). 1962, S. 51.

³¹ R. Wittram. Das Interesse an der Geschichte. Göttingen. 1963, S. 97; H. HeimpeI. Kapitulation vor der Geschichte? Göttingen. 1956, S. 54.

возможности его историзма начинают осознаваться многими буржуазными авторами. «Вопрос о нашей собственной судьбе толкает нас к истории. Но просто индивидуализирующий историк... не может дать на него ответ», — писал известный социолог брат М. Вебера — А. Вебер³². Социологу Веберу вторили и буржуазные историки ФРГ. Причем не случайно, что жалобы на «кризис основ» исторической науки усиливаются с 1957 г. одновременно с явным уменьшением масштабов «экономического чуда». «Историческая мысль находится в кризисе, который обусловлен новыми задачами, возникшими в связи с образованием современного индустриального общества», — писал В. Моммзен³³. «Методология историзма и его возможности не соответствуют более потребностям сегодняшнего дня», — подтверждал В. Шёберль³⁴. Неолиберальные историки видели причину кризиса в том, что существенным образом изменилось общество, что за последние 30 лет стало особенно ясно, что не индивиды, а коллективы — корпорации, партии, профсоюзы — представляют единицы социального действия, в то время как буржуазная немецкая историография осталась на прежней основе — «историзме», методами которого уже было невозможно исследовать эти коллективные «социальные феномены».

Стремление модернизировать принципы «немецкого историзма», дополнить его социологией М. Вебера и Г. Фрейера, а в последнее время и Р. Дарендорфа, подкрепить методологические концепции за счет неопозитивизма с его лозунгом «объективного и всестороннего» рассмотрения исторической действительности и философской антропологии, пытающейся по-своему решить обострившуюся проблему отчуждения человека в капиталистическом обществе, перейти от изучения «событий» к анализу «структур», — такие черты присущи господствующему сейчас в буржуазной историографии неолиберальному направлению. Уже на конгрессе Союза историков ФРГ в Дуйсбурге в 1962 г. руководители этого направления Г. Ротфельс, В. Конце, К. Д. Эрдман ратовали за модификацию «историзма» на основе современной (разумеется, буржуазной) философии³⁵. Весьма отчетливо проявилось это стремление и на Фрейбургском съезде историков ФРГ 1967 г., где неолибералы имели все основания рассчитывать на победу «структурной истории», тем более что за три месяца до этого умер влиятельный лидер консерваторов Г. Риттер, до конца остававшийся верным сторонником «немецкого историзма».

Особенно активно с критикой традиционного «историзма» и за его преодоление «структурной историей» выступило молодое поколение историков — Д. Гейер, Г. У. Велер, Р. Козеллек, В. Моммзен, Г. Моммзен, Т. Ниппердай и другие. Их поддержали О. Бруннер, В. Конце, Г. Эстрейх, К. Д. Эрдман. Лишь немногие историки встали, подобно У. Ноаку, на защиту принципов «немецкого историзма». Сторонники неолиберальной ориентации на «структурную историю» одержали верх и заявили, что «историзм в его старой форме канул в прошлое»³⁶. Окончательную победу неолиберального направления продемонстрировал съезд историков ФРГ 1970 г. в Кёльне, на котором уже никто открыто не поддержал «немецкий историзм» в его традиционной форме. «Историзм закончился, убит после многих попыток покушений. Ни одна рука не поднялась в его защиту», — так оценила итоги Кёльнского съезда буржуазная пресса ФРГ³⁷.

³² A. Weber. Prinzipien der Geschichts- und Kultursoziologie. München. 1951, S. 60.

³³ «Geschichte». «Fischer-Lexikon», S. 93—94.

³⁴ W. Schöberl. Die Historizität des Historismus. Würzburg. 1966, S. 4.

³⁵ «Bericht über die 25. Versammlung deutscher Historiker in Duisburg». Stuttgart. 1963, S. 15.

³⁶ «Bericht über die 27. Versammlung deutscher Historiker in Freiburg/Breisgau». Stuttgart. 1969, S. 18, 24—25.

³⁷ «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 7.IV.1970.

Однако в действительности «немецкий историзм» вовсе не канул в прошлое. На самом деле буржуазная историография вовсе не стремится принципиально отказаться от этого учения, а хочет всего лишь модифицировать его при сохранении основного содержания. Это подтвердил и Т. Шидер, который писал, что «историзм оставил глубокий след и без его идей нет исторической науки»³⁸. По мнению ведущих неолиберальных историков, он «сохранил свои ценности и... пригоден для борьбы против тоталитаризма»³⁹ (так буржуазные историки называют марксизм-ленинизм).

Как уже говорилось, приверженцы «немецкого историзма» видели его основу в принципе «индивидуализации» исторических явлений и соответствующем ему «индивидуализирующем» методе исторического исследования. Мейнеке считал эти черты не только «ядром историзма», но и спецификой всей немецкой исторической мысли. Отказались ли неолиберальные ученые, обратившиеся к «структурной истории», от принципа индивидуализации? Несомненно, что та методология исторического исследования, которую пропагандировал Мейнеке, представляется им в современных условиях ограниченной и односторонней. «Структурная история», уделяющая основное внимание коллективным феноменам, становится, как подчеркивает Конце, «существенной потребностью нашего технико-индустриального века»⁴⁰. Но, признавая значение и ценность «структуры», большинство западногерманских историков всецело стремятся остановиться на той грани, за которой для них начинается «опасность безличного детерминизма структурного исследования»⁴¹. «Структурная история» означает не приближение ее сторонников к материалистическому пониманию истории, а в последовательном ее завершении ведет к «экономическому социологизму», чреватому не менее антинаучными выводами, чем критикуемый ими «историзм». К тому же идея «индивидуализации» и сегодня оценивается достаточно высоко и даже служит для некоторых буржуазных историософов «законным принципом современного исторического мышления»⁴².

Один из приверженцев «структурной истории», Т. Шидер, констатирует, что «индивидуальная структура исторического явления — основной факт, данный действительностью исторического объекта познания»⁴³. Далее он прямо выводит «типологизирующий метод» из «строгого учения об индивидуальности», что, в сущности, не выходит за рамки известного принципа Ранке, утверждавшего, что всеобщее проявляет себя только через индивидуальное⁴⁴. Само по себе это утверждение является верным, поскольку «общее существует лишь в отдельном, через отдельное»⁴⁵. Но современные неолибералы, как и Ранке, забывают другую сторону вопроса; они абсолютизируют индивидуальность, объявляя ее главным содержанием истории, и не принимают во внимание, что в отдельном всегда могут быть обнаружены черты общего, что всякое отдельное не просто уникальное, неповторимое явление, а «есть (так или иначе) общее»⁴⁶. Сборник «индивидуализации» Мейнеке также признавал, что индивидуальность не исключает типического, которое представлялось ему, однако, не собственно типичным, а скорее «индивидуаль-

³⁸ Th. Schieder. Geschichte als Wissenschaft. München-Wien. 1968, S. 152.

³⁹ «Geschichte». «Fischer-Lexikon», S. 114.

⁴⁰ W. Conze. Die Strukturgeschichte des technisch-industriellen Zeitalters als Aufgabe für Forschung und Unterricht. Köln—Opladen. 1957, S. 18.

⁴¹ K. Bosl. Der «soziologische» Aspekt in der Geschichte. «HZ», 1965, Bd. 201, S. 614.

⁴² E. Schulz. Op. cit., S. 122.

⁴³ Th. Schieder. Geschichte als Wissenschaft, S. 151.

⁴⁴ См. L. von Ranke. Zur Kritik neuerer Geschichtsschreiber. Leipzig. 1824.

⁴⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 29, стр. 318.

⁴⁶ Там же.

ностью более высокого порядка». Он считал, что «индивидуальностями являются не только отдельные индивиды, но и коллективные исторические образования — государства, нации, религии, вообще все явления культуры и даже целые культуры»⁴⁷. Мейнеке, естественно, не мог полностью отрицать наличие общих типичных «индивидуальностей высшего порядка», поскольку такое отрицание совершенно очевидно противоречило всему ходу реальной истории. Выход из этого противоречия он попытался найти в выдвинутом им понятии «индивидуальная всеобщность», широко распространенном в современной буржуазной историографии ФРГ⁴⁸.

Если учесть, что Ранке и Мейнеке считали все существующее индивидуальностями большего или меньшего порядка, то отсюда вытекает, что шидеровское понятие «индивидуальной структуры», в общем, вполне укладывается в рамки классического «немецкого историзма». В сущности, нет большого различия: определяется ли, например, государство как «духовная субстанция», как «определенная модификация форм человеческого общества» или как «структура», поскольку в любом случае эти расплывчатые формулировки исходят из признания «индивидуальной природы государства». В самой же категории «структуры» Шидер не находит ничего нового и неожиданного для исторической науки, так как, по его мнению, уже «историзм» школы Ранке, как и последующих буржуазных историософов, исходил из идей структуры, «хотя они и были менее очерчены», а сам термин «структура» еще не употреблялся. Поэтому Шидер и считал, что «с нынешним обращением к структурам не связан качественный скачок» в историографии ФРГ⁴⁹. Об этом же писал и мюнхенский медиевист К. Босль: «Переход исторической мысли от личности к структурам... представляет явный методический сдвиг, но не скачок, изменяющий сущность истории»⁵⁰.

Таким образом, применение категории «структуры» в буржуазной историографии ФРГ создает лишь внешнюю видимость обновления ее теоретических основ. Используя новейшую научную терминологию, ученые ФРГ практически оставляют незабытыми многие традиционные принципы «немецкого историзма». Однако в отличие от Мейнеке, который, как мы видели, рассматривал общее всего лишь как разновидность индивидуального, в современной буржуазной историографии ФРГ утвердилась мысль о необходимости сочетания индивидуального и общего, то есть последнее получило право на самостоятельное существование. Но при всем при том историческая действительность была и остается для большинства западногерманских буржуазных историков единичным и непонятым во всей полноте экспериментом; свои внутренние взаимосвязи она может проявить только в бесконечном множестве различных решений.

Отсюда выводится плюрализм самой истории, при котором не может быть и речи ни о закономерности, ни о целостности исторического процесса. Так, дюссельдорфский историк Г.-В. Хедингер, пытающийся синтезировать «немецкий историзм» с неопозитивизмом, утверждает, что в истории речь идет не о преодолении плюрализма, а об его выявлении и осознании. С этой точки зрения «понимание» как особый способ подхода к жизненному миру не противопоставляется более «структурному анализу». Широкое «понимание» распространяется на общественные структуры и «тончайшие психологические мотивации». Поэтому, по Хедингеру, необходимо «рационально переосмыслить» категории «индивидуальности» и «понимания» и в новом качестве включить их в современную методологию истории. Вместе с тем он, хотя и подчеркивает,

⁴⁷ F. Meinecke. Werke. Bd. 4. S. 374.

⁴⁸ См. «Geschichte», «Fischer-Lexikon», S. 87.

⁴⁹ Th. Schieder. Strukturen und Persönlichkeiten in der Geschichte, S. 266, 268.

⁵⁰ K. Bosl. Op. cit., S. 614.

что множество элементов и тенденций закладывает единую основу исторического процесса, тем не менее отрицает возможность «теоретического монизма», то есть постижения истории, исходя из одного принципа. На место этого единого принципа он ставит излюбленную неопозитивистскую «теорию факторов», или «ситуаций», определяющих реализацию какого-либо одного варианта⁵¹. Все это должно создать видимость «объективного» и «всестороннего» подхода к историческому явлению, но на самом деле, поскольку буржуазные историки отрицают объективную закономерность хода истории, «не дает никакого цельного... понимания процесса общественного развития»⁵².

Большинство сторонников «структурной истории» в ФРГ придерживается такой трактовки категории «структуры», которая вполне сочетается с присущей «немецкому историзму» концепцией «великих личностей». Правда, в современных условиях они уже не могут не признавать, что «социальные факторы... уничтожают старую картину господствующего в мировом театре отдельного великого человека». Создается впечатление, что эти ученые как будто бы признают «расширение фундамента исторической действительности и возрастание интереса к делам и мыслям большой массы людей», то есть коллективных образований, что вроде бы соответствует требованиям «структурной истории». Но приведенное выше высказывание Шидера практически обесценивается, когда он далее заявляет, что «великая всемирно-историческая личность сохраняет свое место в истории, а ее функции направлены как раз против структур, как сверхличных форм образования»⁵³. Во взаимоотношениях структуры и личности этот ученый выделяет несколько аспектов, свидетельствующих о том, что старые традиции «немецкого историзма» сохраняют свое место наряду с некоторыми новыми акцентами.

Шидер считает, что личность может по своему желанию, независимо от объективных условий создать «новую структуру». В качестве подтверждения он ссылается на В. И. Ленина, как на единственного, по его словам, создателя «коммунистической системы». Не останавливаясь на попытке Шидера протащить идею «случайности» факторов, определивших возникновение первого в мире социалистического государства, которую он пытается противопоставить марксистско-ленинскому учению о закономерной смене общественно-экономических формаций, отметим только, что это утверждение прекрасно вписывается в ранкеанскую традицию, согласно которой история — игрушка в руках великих личностей, творящих ее по своему произволу. Отличие только в том, что у Ранке личность создавала империи и выигрывала сражения, определявшие ход мировой истории, а у Шидера она создает «структуру». Второй аспект взаимоотношений личности и структуры заключается у Шидера в том, что первая может сохранить ту или иную историческую структуру благодаря своей способности укреплять «стабильность существующего порядка». В качестве аргумента он приводит кризис 1862 г. в Германии, когда, как он утверждает, благодаря Бисмарку была сохранена монархия Вильгельма I. И в этом случае Шидер рассматривает личность Бисмарка изолированно от процесса развития Германии. Бисмарк выступает у него просто как сильная, волевая личность, а не как государственный деятель, чьи действия выражали интересы юнкерства и буржуазии и поэтому, объективно содействуя необходимому национальному объединению Германии, хотя и антидемократическим, насильственным путем, мог-

⁵¹ См. H.-W. Hedinger. Theorienpluralismus in der Geschichtswissenschaft. «Der Methoden- und Theorienpluralismus in der Wissenschaften». Meisenheim/Glan. 1971. S. 229—258. В этой статье Хедингер в концентрированной форме изложил некоторые идеи своей большой работы «Subjektivität und Geschichtswissenschaft. Grundzüge einer Historie». Berlin (West). 1969.

⁵² В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 21.

⁵³ Th. Schieder. Strukturen und Persönlichkeiten in der Geschichte, S. 265, 293.

ли иметь успех. И, наконец, по схеме Шидера, личность может уничтожить исторически сложившуюся структуру, то есть выступить как «деструктивная сила в истории». В качестве примера подобной личности берется Гитлер, уничтоживший Веймарскую республику. В данном случае Шидер приближается к правым историкам, толкующим о единоличной ответственности Гитлера за установление фашистской диктатуры и отвергающим ее классовое содержание.

Разумеется, нельзя не признавать роль личности в истории. Классики марксизма-ленинизма всегда выступали против ошибочных представлений, растворяющих индивидуальные особенности и действия личности в нивелированном движении человеческих масс. Но если отводить личности первое место среди факторов, обуславливающих историческое развитие, как это делает Шидер, отрицающий вдобавок классовую обусловленность ее действий⁵⁴, то это означает волюнтаристский подход к истории, который мало чем отличается от присущего «немецкому историзму» принципа этатизма, ставящего в центр внимания историка государство и главным образом (если даже не исключительно) его внешнеполитические и военные действия, а по существу, государственных деятелей или полководцев. В схеме Шидера великие личности всегда берут верх в «борьбе между личным решением и всеобщей необходимостью», они выступают как «творцы» или «сокрушители структур», полновластно определяющие политическую жизнь общества⁵⁵.

Влияние основных принципов «немецкого историзма», хотя в различной степени, сказывается и на молодых историках ФРГ, в значительной части вышедших из семинаров Т. Шидера и В. Конце: Г. Моммзене, В. Моммзене, Т. Ниппердае, Д. Гро, В. Шидере. Они критикуют эту концепцию за ее односторонность, стремление ограничиться изучением истории государств, идей, права, религии, в то время как историкам, говорят они, следует обратиться к истории общества и дополнить изучение истории духа изучением социально-экономических тенденций⁵⁶. Это является продолжением линии, намеченной Г. Шмоллером, М. Вебером, В. Зомбартом. В то время как их учителя высоко оценивают «методические достижения историзма, которых не нужно стыдиться»⁵⁷, считают, что принципиального различия между «социальной» и «политической» историей не существует, поскольку «социальные структуры всегда политически определены» и сами «являются политической историей»⁵⁸, молодые историки с неудовольствием отмечают, что большинство историков ФРГ «готово к принятию социально-научных... методов до такой степени, которая не угрожает основным позициям историзма или примату индивидуальных мотиваций действий»⁵⁹, и даже решительно выступают против «неумирающей традиции» писать историю как историю дипломатии или государства⁶⁰. Однако и эти историки категорически высказываются против «любого каузального монизма или каузального приоритета» и считают «равноправными способами рассмотрения» политическую, идейную, экономическую или социальную интерпретацию исторического процесса⁶¹. Выступая при каждом удобном случае против «экономиче-

⁵⁴ Th. Schieder. *Geschichte als Wissenschaft*, S. 113.

⁵⁵ Th. Schieder. *Strukturen und Persönlichkeiten in der Geschichte*, S. 290.

⁵⁶ W. Mommsen. *Die Geschichtswissenschaft jenseits des Historismus*. Düsseldorf. 1971.

⁵⁷ K. Bosl. *Geschichte und Soziologie. «Logik der Sozialwissenschaften»*. Köln—Berlin (West). 1965, S. 478.

⁵⁸ W. Conze. *Op. cit.*, S. 18.

⁵⁹ H. Mommsen. *Betrachtungen zur Entwicklung der neuzeitlichen Historiographie in der Bundesrepublik. «Probleme der Geschichtswissenschaft»*. Hrsg. von G. Alföldy. Düsseldorf. 1973, S. 145.

⁶⁰ H.-U. Wehler. *Bismarck und Imperialismus*. Köln—Berlin (West). 1969, S. 29.

⁶¹ *Ibid.*, S. 30; Th. Nipperdey. *Über Relevanz. «Aus Theorie und Praxis der Geschichtswissenschaft»*. Berlin (West).—N. Y. 1972, S. 13—14.

ского детерминизма», то есть против исторического материализма, молодые критики «историзма», по существу, не делают решительного шага вперед и под флагом «плюралистической теории факторов»⁶² оставляют достаточно прецедентов для прежней «истории событий».

Подобные высказывания о необходимости тесной связи между «историей событий» и «историей структур» можно найти и у Т. Шидера, К. Босля, О. Бруннера, причем у них «история событий» превалирует над «историей структур». Зачастую под «структурой» понимается все та же мейнековская индивидуальность. Само же структурное рассмотрение истории определяется, как это сделал Бруннер еще в 1954 г., как «способ наблюдения», то есть субъективистски. Поэтому и «структурная история» Бруннера остается на позициях отрицания объективной исторической закономерности. Он считает «структурную историю» одним из аспектов подхода историка к материалу и ставит ее в один ряд с другими возможными подходами — политическим, культурным, экономическим, которые остаются изолированными друг от друга⁶³. Поэтому вся историческая действительность расщепляется для Бруннера на отдельные образования, каждое из которых требует своего собственного «способа наблюдения». Все же в последнее время мнение Бруннера о невозможности объединения и независимости «истории событий» и «истории структур» уступает в историографии ФРГ место взгляду Конце, который выдвинул тезис о возможности и даже необходимости синтеза этих «историй». Конце считает, однако, что задача «структурной истории» ограничивается рамками вспомогательного метода при изучении политических событий, прежде всего новейшего времени. Но в этом случае традиционная политическая история по-прежнему доминирует над социально-экономической.

Методологический плюрализм, в основе которого лежит тезис о том, что «ход истории настолько сложен, что никакой отдельный метод не годится для изучения его в целом»⁶⁴, служит буржуазным историкам ФРГ оправданием их теоретического эклектизма. Это присуще даже таким критикам «немецкого историзма», как, например, Г.-У. Велер, который категорически отвергает «индивидуальные мотивы» исторического исследования, но считает тем не менее главными в историческом познании «чувства и интуицию»⁶⁵. Однако чувства и интуиция исследователя всегда глубоко субъективны, и если только они, а не объективные критерии являются главными инструментами историка, то о действительно объективном научном познании не может быть и речи.

В критике «историзма» весьма близок Велеру и К.-Г. Фабер, выступающий против отрицания теории и приоритета эмпиризма, за преодоление «индивидуализации» путем разработки понятий «тип» и «структура». Подобно Конце, Фабер считает, что «история событий» и «история структур» не противоречат друг другу, а являются двумя аспектами научного объяснения. Это дает возможность соединить «понимание» и научный метод, «чувственное вживание и рациональный анализ». Следовательно, Фабер переосмысливает положения «немецкого историзма» в соответствии с духом времени и пытается наполнить прежние его категории новым содержанием⁶⁶. И другие неолиберальные ученые, например, Р. Вирхаус, полагают, что «в сегодняшней ситуации» следует принять

⁶² W. I. Mommsen. Die Geschichtswissenschaft in der modernen Industriegesellschaft. «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1974, № 1, S. 15—16.

⁶³ O. Brunner. Das Problem einer europäischen Sozialgeschichte. «Neue Wege der Sozialgeschichte». Göttingen. 1956, S. 7—9.

⁶⁴ R. Wittram. Anspruch und Fragwürdigkeit der Geschichte. Göttingen. 1969, S. 59.

⁶⁵ G.-U. Wehler. Zum Verhältnis von Geschichtswissenschaft und Psychoanalyse. «HZ», 1969, Bd. 208.

⁶⁶ K.-G. Faber. Theorie der Geschichtswissenschaft. München. 1972.

во внимание требования, предъявляемые «историзму со стороны марксизма, структурализма и неопозитивизма»⁶⁷. На практике же такое «переосмысление» оборачивается методологическим эклектизмом, который ни в коей мере не выводит западногерманских критиков «историзма» из кризиса, поскольку они остаются на позициях идеалистического подхода к истории.

Такое положение приводит историков ФРГ к отрицанию познаваемости всемирно-исторического процесса, так как для них «цель истории теряется в тумане и трудно ответить на вопрос — куда ведет нас ход истории». В лучшем случае они, опираясь на теорию «индустриального общества» и ставя в основу общественной организации «хозяйственные формы», признают некое «направление истории» и возможность выбора «масштаба для... оценки или суждения»⁶⁸. Важное значение при этом придается либо сравнительному методу, либо методу исторической типологии. Большинство западногерманских буржуазных историков считает, что «исторические индивидуальности» можно свести в определенные «типы», которые, однако, представляют не конструкцию экономических или социальных явлений, исходящую из реальной деятельности, а только средство для «взаимосвязи между отдельными индивидуальными явлениями». Такого рода «типологизация», естественно, отрицает возможность разработки «генеральных типов» для всей человеческой истории, подобных марксистской категории общественно-экономической формации, и, сводя историю к «типам» самого разнообразного характера, отрицает «идею детерминированного процесса развития»⁶⁹. Что же касается веберовских «идеальных типов», то они принимаются историками ФРГ в настоящее время не в качестве «цели», а как «средство» исторического исследования, как некие «вспомогательные конструкции», не отражающие в своей отвлеченности объективные процессы и закономерности. Поэтому буржуазные историки ФРГ хотя и выводят «идеальные типы» из «синтетического сравнения», но утверждают, что «идеальный тип» предназначен для того, чтобы «дать опору исторической индивидуализации»⁷⁰.

Следовательно, и типологизация используется современными западногерманскими буржуазными историками для применения в более широких рамках главного принципа реакционного «немецкого историзма» — «индивидуализации». Субъективный выбор и интерпретация событий, или «структур» (что в данном случае совершенно равнозначно), не только не преодолены, но, напротив, получили дальнейшее развитие, хотя и в несколько измененном виде, связанном с обращением историков к социологии. Впрочем, необходимо подчеркнуть, что здесь у буржуазных историков ФРГ нет единой позиции. Говоря о взаимоотношениях истории и социологии, одни предлагают создать так называемую синтетическую науку, другие призывают историков теснее кооперироваться с «социальными науками», третьи видят решение в «историзации» социальных дисциплин⁷¹. Двойственное отношение историков ФРГ к социологии выразил Шидер: «Социология приветствуется как освободительница истории от ее ненаучного балласта; но одновременно история деградирует во вспомогательную дисциплину социологии»⁷². Для опасений такого рода имеются некоторые реальные основания. Тревожным сигналом для историков ФРГ прозвучала ликвидация предмета истории и замена его курсом обществоведения в старших классах гимназий неко-

⁶⁷ R. Vierhaus. *Geschichtswissenschaft und Soziologie. «Geschichte heute. Positionen, Tendenzen und Probleme»*. Göttingen. 1973, S. 74.

⁶⁸ Th. Schieder. *Grundfragen der neueren deutschen Geschichte. «HZ»*. 1961, Bd. 192, S. 2, 4.

⁶⁹ Th. Schieder. *Möglichkeiten und Grenzen*, S. 550.

⁷⁰ *Ibid.*, S. 544.

⁷¹ «Probleme der Geschichtsmethodologie», S. 346.

⁷² Th. Schieder. *Geschichte als Wissenschaft*, S. 150.

торых западногерманских земель (Гессен, Нижняя Саксония, Северный Рейн-Вестфалия), что вызвало резкий протест нынешнего председателя Союза историков ФРГ В. Конце⁷³.

В то же время в исторической науке ФРГ существует тенденция к «радикальному разрыву в преемственности духовного сознания современного общества»⁷⁴. Так неолибералы оценивают призывы некоторых идеологов «новых левых» и представителей «франкфуртской школы» к коренному «очищению исторического сознания». Неолибералы считают, что это равнозначно «добровольному прыжку в иррационализм»⁷⁵.

В дискуссии, которая развернулась в ФРГ в 60-е годы между сторонником неопозитивистской методологии истории, последователем К. Р. Поппера Г. Альбертом и представителем «франкфуртской школы негативной диалектики» Ю. Хабермасом⁷⁶, неолиберальное направление в целом заняло позицию поддержки Альберта, признавая капиталистическое общество «открытым обществом», способным к постоянному прогрессу и самосовершенствованию⁷⁷. Неолиберальные историки не приняли требование «франкфуртской школы» соединить в единую социальную связь познание, интересы и практику и отвергнуть попперовское разграничение науки и политики. Неолибералы считают «принципиальное отделение» науки и политики необходимостью как для науки, так и для политики. «Их смешивание или даже идентичность обедняет политику и уничтожает науку»⁷⁸, — заявляет, например, А. Хильгрубер. Пытаясь замаскировать возрастающую политизацию буржуазной исторической науки, он считает, что утрачивается «возможность свободного научного исследования», если над ученым «довлеют тотальные доктрины». Поскольку же к последним западногерманские буржуазные историки относят прежде всего марксизм-ленинизм, то политический смысл этих заявлений о «вреде политики» совершенно ясен.

Буржуазные историки ФРГ, осознав необходимость разработки теоретической основы своих исследований, оказались в заколдованном кругу поисков единой теории исторической науки при одновременном отрицании подлинно научной теории общественного развития — исторического материализма. Поэтому их попытки найти такую теорию сводятся, по меткому замечанию О. Андерле, к «штопанью прорех»⁷⁹ в тех вопросах, где совершенно недвусмысленно проявляется антинаучный характер буржуазной методологии исторической науки. Однако это «штопанье прорех» с помощью социологии, «структурной истории», математических методов не в состоянии устранить кризис буржуазной исторической науки, так как он является порождением общего кризиса капитализма как социальной системы.

⁷³ W. Conze. Gesellschaftliche Aufgaben der Geschichtswissenschaft in der Gegenwart. Erklärung des VHD. «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», 1973, № 6, S. 354—355.

⁷⁴ W.-J. Mommsen. Op. cit., S. 32.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ H. Albert. Der Mythos der totalen Vernunft. «Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie», 1964, № 2; J. Habermas. Gegen einen positivistisch halbierten Rationalismus. «Kölner Zeitschrift», 1964, Hf. 4.

⁷⁷ H. Baier. Soziologie und Geschichte. «Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie». Würzburg, 1966, Hf. 1.

⁷⁸ A. Hillgruber. Politische Geschichte in moderner Sicht. «HZ». 1973, Bd. 216, S. 544.

⁷⁹ O. Anderle. Theoretische Geschichte. «HZ», 1958, Bd. 185.